

Катерина Файн
ДЕКОРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ
2002-2003

* * *

Только сходить с ума –
я любить не умею.
Прятаться между строк –
это взрослые прятки.
Ты позволяешь себе
любую затею.
Хочешь со мною быть?
Не смехи мои пятки.

Мне интересно смотреть,
как время нас лечит.
Я научилась солнцу
растить на грядке.
Не опускать своих рук
на чужие плечи.
Хочешь, чтоб я ушла?
Не смехи мои пятки.

Ты развлекаешь меня,
но с какой стати?
Видишь, судьба бросает
обе перчатки.
Чтобы подать пальто,
роста тебе не хватит.
Хочешь меня обнять?
Не смехи мои пятки.

Я ненавижу, когда
на улицах флаги.
Мне не хватает души
терпеть беспорядки.
Дождь подает голове
волшебные знаки.
Хочешь меня понять?
Не смехи мои пятки.

Я не стелю для себя
ни соломы, ни сена.
Каждому зверю свои
дурные повадки.
Кто-то пишет стихи,
а кто-то, представь, на стенах.
Хочешь меня спросить?
Не смехи мои пятки.

Koуaanisqatsi

Уберите подальше предметы сложные,
окна закройте. Готовьте аптечку.
Детям за вредность дайте пирожное,
взрослым за здравье поставьте свечку.

Я расскажу, и среди общего хаоса
будут слова мои четки и гулки:
гамбургер делают из Микки Мауса,
так, чтобы уши торчали из булки!

В полночь на площади люди тешатся –
каждый участник импровизации:
все наблюдают, как будут вешаться
три никому не нужные грации.

Не воспевать – отпевать пытаются
лучшее благо – благодеяние.
Все продается и все покупается
от одеяния до покаяния.

Даже в метро на конечных станциях
стали теперь уносить в пакетах
вместе с журнальной рекламой глянцевой
крылья, застрявшие в турникетах.

* * *

Девять метров тишины.
Бра на стенке – сорок ватт.
Все пути предрешены
астрологией утрат.

Этой мысли виадук
протянулся в тыщу лет.
По асфальту туфель стук –
звук испанских кастаньет.

Это ночь на поводке
лень свою ведет гулять.
Это спичкой в коробке
пляшут страсти – не унять.

Не рецепт глоток вина –
хмеля дикого капкан.
От бессонницы – Луна –
половинка на стакан.

Путь сознания не нов:
под подушкой Ремарк.
Из сосчитанных слонов
в перспективе – зоопарк.

Сбоку на бок до утра –
обломаться на корню.
Все – ни два, ни полтора –
приближение к нулю.

В одеяле – тень моя,
избегавшая людей.
В идеале – ты и я –
сумма разности идей.

Не доступен сей каприз –
одиночества вдвоем.
Столько вычитано из
словаря со словарем.

Зеркала искажены
отражением свечей.
Все пути предрешены:
я – ничья, и ты – ничей.

Утром выключат фонарь,
свет дневной падет к ногам...
Все проходит, как букварь
незаметно, по слогам.

Две мысли

1.

Профессор есть сумма знаний
плюс ученая степень.
Каждый цветок, мы знаем,
имеет листья, корень и стебель.
В основу дороги хороший строитель
кладет щебень.
Птице даны крылья,
поэтому птица летает.
А я готова выбросить все,
включая ковры и мебель.
Обладание чем-либо
быстро надоедает.

2.

Чем больше даешь, тем меньше
имеешь взамен.
Важен итог, а не путь –
скажет любой спортсмен.
Одиночество вряд ли лучше, но это когда
не бывает измен,
и не надо кого-то просить
о счастье на блюде.
Я, как ни странно, уже не хочу
никаких перемен –
пускай «доброй ночи» и «доброго дня»
желают разные люди.

* * *

Не выдавшая моря, залива, томящаяся Вертинским,
местность, носящая имя отставленного адмирала,
тонула только в лесах, где мой дед говорил по-фински,
и как по звонку – в десять вечера вымирала.

В краю, где бывало зимой разбирали забор на жерди,
чтобы топить; где у кошек всегда одинаковы клички –
я засыпала в колючих носках из собачей шерсти,
твердя наизусть расписание электрички.

Где на завтрак давились кашей и кофе без кофеина,
и хотелось бежать далеко, но мальчик играл на скрипке...
Я помню, что маму мальчика звали Ниной,
и пальцы ее были мягки, длинны и гибки.

Теперь, в помутневшее зеркало глядя, уже не наденешь бусы,
те, что придуманы ею, и не важен фантик от «Белочки».
У лужи с названием сладким мокнет в песке медузой
похожая очень, но все же другая девочка.

* * *

Все, что ты знаешь о жизни, любая блажь –
книги, картины, сны, голоса подруг,
боль от пощечины, ревность и эпатаж –
это всего лишь разнообразие мук.

Громкое имя, к примеру, маркиз де Сад,
дети, которых ты тащишь в детсад силком,
дом Хундертвассера – яркий его фасад,
дом, нарисованный белым простым мелком,

перевороты, их лозунги, новый стиль,
гимны, цветные флаги, немое кино,
все, что возможно хранить или сдать в утиль,
все, что напишет об этом Раймон Кено,

или другие, кому не писать невмочь.
Даже идеи единства полярных вещей –
все маета, придуманная за ночь.
У каждого свой итог бессонных ночей.

* * *

Когда купили кресло у соседки,
ты пел, себе отстукивая ритмы
на нем; а я высиживала рифмы
с упорством обезумевшей наседки.

Потом купили бра и покрывало,
альбомы чтоб рассматривать уютно.
И наслаждались этим обоюдно,
засиживаясь затемно, бывало.

Теперь нам в этом кресле очень тесно:
меня достали споры до упада
о месте Пикассо и Таль Коата
в искусстве. Мне уже не интересно.

Ты можешь воспринять сие как вызов,
или слезами горькими облиться,
но это кресло больше не в таблице
моих периодических капризов.

* * *

Что ты там видишь, в промокшем окне,
северной, гриппом больной стороне?
Там, на краю ойкумены, в дыре,
в пятиэтажном своем дворе?

Без занавесок, балкона, цветов,
с песнями мартовских драных котов,
с вечной доской объявлений: «Сниму
комнату» или «Стригу на дому».

С бывшею школой (ныне там склад).
Мимо родители в детский сад
сонного катят в санях с холма
мальчика рыжего, как хурма.

Тетеньку-дворника с резвой метлой,
что подметает культурный слой.
Куклу, лишённую глаз и волос,
автомобиль без стекла и колес.

Дикую вишню на склоне лет,
барышню литературных сред.
Тени скамеек и, наконец,
облако пара какой-то ТЭЦ.

Фаталистическое

«...За три зимы до тридцати».
Д. Филиппов

От себя все дороги прямы,
но напрасны – такие здесь нравы.
Вот и мне уже за три зимы
до известной тебе переправы.

До тоски, разевающей пасть,
полтора с половиной шага.
Чтобы путь этот как-то допрясть
не нужна ни боязнь, ни отвага.

Ни гаданья по левой руке –
упражнение оккультного дела.
Ни земные дела при Луне,
что есть физика мягкого тела.

Будь хоть девушкой в парке с веслом
или кровь с молоком девица,
обрастание круглым числом –
то не мудрость, как часто мнится,

а единственно «Горе уму» –
в расставаниях и раздумьях.
И не нужен никто никому.
А любовь – только форма безумия.

Потому не хочу перемен,
не хочу ни тепла, ни стужи.
Если что и прошу взамен –
сделать так, чтобы не было хуже.

* * *

Сама по себе – ни тебе чета,
ей все наперед ходы
известны. Уйдет, не сказав ни черта,
простынут ее следы.

Любые табу для нее пустяк,
привычная жизнь вранье.
Она марширует, и вьется стяг –
сквозняк в голове ее.

А ты – то ли муж, то ли просто так,
отправленный в закрома.
Ей мало всегда, что один простак
сходит по ней с ума.

Что ищет ее виноватый взгляд,
гадая: сегодня кто?
Конечно, она не со всеми подряд
вешает в шкаф пальто.

Она – где душевнее ей поют,
и знает про то Господь –
в края приключений, в иной уют
мчится не только плоть.

Но, честное слово, мне жаль врага,
встающего в те ряды.
Любые затопит она берега
и хватит ее воды.

И даже кольцо на ее руке
не рушит привычный строй.
А то, что ей слаще в чужой строке
не видит только слепой.

Тост

За ноябрьское снежное крошево,
за случайного ночного прохожего.
За напрасные по мукам хождения,
за прошедшие мои дни рождения.

За бесшумные картины Чюрлениса,
за шуршание дождя по лесу.
За бесплатное синицыно пение,
за собранье сочинений Есенина.

За иные безмятежные хлопоты,
за Монтеня, за его «Опыты».
За теорию простой абсолютности,
за твое высокомерие юности.

За надетое пальто в спешности,
за излишние в прощаниях нежности.
За любовь, как бы то ни было пафосно,
за величие чужих замыслов.

За попытку приукрасить мгновение,
за фантазии, мечты, вдохновения.
За белесо-безымянное облако,
за счастливого под ним отрока.

Библиотечное

Здесь не услышишь с улицы крики,
и не узрешь иного обмана:
времени года – все та же картина.
Окна завешены тонкой гардиной,
в складках барочных оттенка тумана.
Свет разливается в ритме романа,
а тишину нарушают блики,
мысли о книгах и сами книги.

* * *

Мише Малину

А что я, собственно, знаю? Родился, вырос,
в школе учился как все – получал отметки.
Жил у Невы, где топили камин, и сырость
там растворялась в тепле, как во рту таблетки.

Разные люди в те двери бывали вхожи,
кто на минуту – обычно сидел часами.
Он принимал безучастно еще в прихожей –
с бледной афиши косыми взирал глазами.

Юной девицею взятый от всех на поруки,
стал обладателем шкафа ночных рубашек.
Пил, и запой его сочетали звуки
соло-гитары и битых сервизных чашек.

То богател, то нищал – был ограблен трижды.
Тайно любя и кляня коридоры ОВИРа,
думал: еще доживу; а ведь вот, поди ж ты...
Нет в жизни счастья. Так мама ему говорила.

Четыре строчки Сергею Николаеву

Мой друг, дышите оптимизмом,
и чувством юмора дышите.
И, умоляю, – не пишите
стихи, отравленные смыслом.

* * *

Выйти вон и закрыть за собою рот,
неожиданно: чтоб онемел народ,
чтоб филистеру нежные уши сберечь.
В одеяло – по ту его сторону – лечь,
отвернуться к стене, отказаться от встреч,
на веранде настольную лампу зажечь,
и в толковый словарь погружаясь до плеч,
выпивать от души
за родную речь.

* * *

Мастеру моего курса – с любовью

Сережа, десять лет назад,
когда безумней и моложе
была мечта и взгляды схожи,
и цель не ведала преград,

искусство требовало жертв.
Я выбирала ваши флаги
пера и гамлетовской шпаги
геометрический сюжет.

И, как Офелия, в бреду,
облокотясь на спинку стула,
глядела в озеро сугуло,
имея этот путь в виду.

А вы – злой гений и шаман,
бросали слов невнятных блески,
что после сыпались известкой
на театральный наш роман.

Стерва

Я лежу в гамаке и считаю вранье кукушки,
переделываю стишок и курю сигареты «Шипка».
Я, конечно же, дрянь такая от пяток и до макушки,
бесплезная обществу тварь, надоевшая шибко.

Ибо время мое не расписано по минутам.
Я живу слишком близко к земле среди шума и гама.
Целый день мне звонят откровеннейшие зануды,
и от некоторых из них устаешь, как от спама.

Я не верю в содружество сил эгоистов и слабых.
Лишь здоровый цинизм вызывает во мне улыбку.
И людей не люблю, хотя видела очень славных,
постигавших чужую жизнь на своих ошибках.

Посему я бросаю слова, ни о чем не жалею,
и пускай перед сном это будут читать малолетки –
ничего не хочу, никого не зову, старею
и глотаю, как многие здесь, по утрам таблетки.

* * *

От тебя нигде не скрыться,
ни в тумане, ни в лесу.
Отчего тебе не спится –
ты звонишь в шестом часу?!

Пристаешь среди рассвета,
как горячий хлеб к ножу.
Просишь денег и совета –
не меняешься, гляжу.

Эгоистка до предела,
ты других не ставишь в грош.
Все болтаешься без дела
и давно уже живешь,

чтоб гадать слова в кроссворде,
а потом пойти в кровать.
Если жизнь дает по морде,
значит, есть за что давать.

Вот стакан, в стакане водка.
Ты пытаешься понять,
обо что разбилась лодка –
быт ли это, или блядь?

Как захочешь, так и было.
Вся в истериках душа
не болела, только ныла
и пропала, неспеша.

Ты теперь заходишь редко
и всегда сидишь в пальто
на высокой табуретке
с чувством собственного до...